

³⁶ См., например: Северный Кавказ. 1902. № 2; Терские ведомости. 1879. № 50.

³⁷ Подробнее см.: Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1983; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Указ. раб.

Ya.S. S m i r n o v a. Roles and Statuses of Women in Traditional Societies of Caucasian People

The roles of women were different in the various of traditional societies of the Caucasian people. The women had lower status then the men in Property and Domestic law, in society and at home, in ethics including the shan tradition.

© 1997 г., ЭО, № 4

С.В. Гусев

АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ*

Фольклор азиатских эскимосов до настоящего времени слабо используется в реконструкции их материальной и духовной культуры. А между тем он предоставляет возможность для восстановления существовавшей структуры поселений, их размещения, устройства жилищ, технологии производственных процессов, определения функциональной принадлежности орудий труда, выявления сакральной принадлежности различных предметов, изучения природопользования.

Эскимосские культуры известны на Евразийском материке от устья р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана до устья р. Анадырь на побережье Тихого океана. На американском континенте эти культуры прослеживаются от Лабрадора до Гренландии и Аляски. В американской и российской историографии существуют различные точки зрения на периодизацию этих культур¹. До сих пор нет общей картины заселения побережья Берингова пролива, этногенеза в этом регионе, не прослежена эволюция материальной культуры и природопользования. До настоящего времени основное внимание российские археологи уделяли эскимосским могильникам (Эквенский, Уэленский, Чинийский, Энмынытнынский)². Это объясняется, видимо, исключительным богатством найденного в могильниках костяного инвентаря, возможностью вести работы над слоем вечной мерзлоты (все погребения расположены над мерзлотой), а также получением антропологического материала, ценного для реконструкций³.

На территории Аляски археологами исследовались главным образом поселения эскимосов (заметим, что американцами также изучались могильники – Ипиутакский и Тигара). Здесь раскопаны десятки эскимосских поселений разных периодов⁴. Были изучены эволюция жилищ и их связь с демографическими и социальными процессами⁵. Эти исследования послужили основой для палеоэкономических, хронологических, этнических и палеогеографических реконструкций⁶. Однако эти интереснейшие обобщения слабо сопоставимы с материалами азиатского побережья Берингова пролива из-за разницы в характеристике источников.

Археологические реконструкции, основанные на материалах могильников, имеют ряд особенностей, которые не раз отмечались в научной литературе⁷. Несомненно,

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Культуры морских зверобоев Берингова пролива» (№ 96-01-00454. РФНФ).

выборочный анализ набора инвентаря дает искаженную картину хозяйственной деятельности. При этом остаются слабо изученными жилища и хозяйственная территория. В свете вышесказанного материалы первых раскопок эскимосского поселения Дежнево (Канискак) имеют огромное значение для исследователей. Поселение Дежнево (Канискак) (эскимосское «вершина бухты», «излучина»), расположено на южной стороне Дежневского массива в 3 км к западу от мыса Пээк и в 18 км к югу от пос. Уэлен на побережье Берингова моря. В 1990–1993 гг. Берингийская археологическая экспедиция впервые произвела научные раскопки этого эскимосского поселения⁸. Исследованы пять разновременных жилищ и выявлен обильный материал сопутствующих им комплексов – более 2500 предметов. Комплексы относятся к различным культурам: ипиутакской, оквикской, древнеберингоморской, бирнирской, пунукской, туле. На основании надежных радиоуглеродных датировок древнейшие слои на поселении относятся к рубежу н.э., а позднейшие слои эскимосских культур – к середине II тыс. н.э. Мерзлый грунт способствовал хорошей сохранности изделий из органики – кости, китового уса, дерева, кожи – и тем самым обеспечил высокую репрезентативность орудий труда и культовых предметов.

Археологические исследования планировки поселений, жилищ и их конструкций могут быть дополнены материалами фольклора, которые позволяют получить представление о демографии поселений и их родовом составе, соотнести археологические критерии изучения социального устройства общества с осознанием носителями исследуемой культуры реальных общественных отношений.

В представленной статье сделана попытка структурного анализа явлений и процессов культурогенеза азиатских эскимосов на основе сопоставления данных фольклора и материалов археологических раскопок поселений эскимосов. Используются фольклорные тексты, собранные Г.А. Меновщиковым и Е.С. Рубцовой, записанные по большей части на родном языке рассказчиков⁹. Это волшебные сказки и мифы, героические сказания, сказки о животных, бытовые сказки и рассказы. Их герои – люди, звери, птицы, мифические владыки вселенной, верхнего мира, моря, ветра, солнца. В фольклоре азиатских эскимосов отражены конкретные условия их жизни (географические и климатические), присущий этим этническим группам способ производства, их этнические признаки.

Море было неотъемлемой частью мира эскимосов. Оно давало им основную долю продуктов питания, материалы для изготовления орудий и устройства жилищ. География основной акватории промысла была хорошо известна охотникам и представлялась в виде мира, заселенного человекообразными существами. Хозяин моря у азиатских эскимосов выступает в роли хозяина конкретных участков моря, привязанных к определенным поселениям. Так, в науканской сказке* «Хозяин моря»¹⁰, где повествование ведется от лица жителей Имаклик (поселение на о-ве Ратманова), использован термин «хозяин здешнего моря». Вероятно, это следствие отражения реального понимания специфики морской акватории в зоне промысловой деятельности различных поселений.

Лики, вырезавшиеся на стабилизаторах гарпуна из клыка моржа (так называемые «крылатые предметы»), по нашему мнению, символизируют образ «хозяина моря». Стабилизатор из клыка моржа, надевавшийся на конец древка, по своей форме генетически, очевидно, восходит к позвонку моржа, снабженному двумя крыловидными отростками и отверстием в центральной части. В то же время позвонки моржа для гарпуна с массивной головкой древка из клыка моржа не мог быть достаточным балансиром. Это обстоятельство заставило в поисках балансира использовать более тяжелый по удельному весу клык моржа. При этом форма сохранилась традиционная – в виде позвонка моржа. Помимо функциональной, «крылатый предмет» выполнял и магическую роль. Богато украшенный врезным орнаментом, создающим яркую палит-

* В статье использованы терминология и классификация произведений, применявшиеся собирателями фольклора Г.А. Меновщиковым и Е.С. Рубцовой.

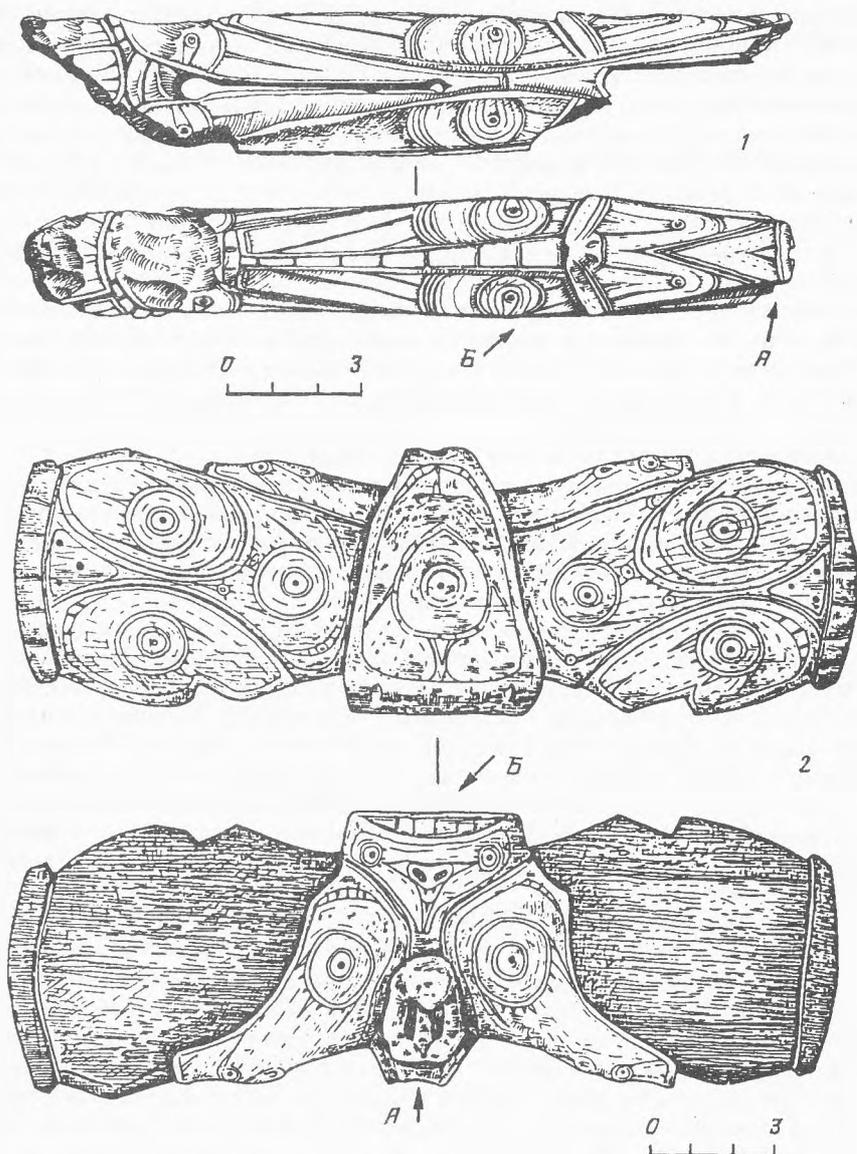

Рис. 1. 1 – головка дрвца гарпуна с изображениями голов полярного медведя (А) и нерпы (Б), клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 2 – стабилизатор гарпуна с ликом «хозяина моря» (Б) и фигуркой с женскими половыми признаками и фаллосом (А), клык моржа (Эквенский могильник, погребение № 285 «В»)

ру образов, прежде всего антропоморфный образ грозного владыки моря, стабилизатор должен был обеспечить удачный бросок гарпуна и помочь добыть зверя. Особенно интересен «крылатый предмет» из погребения № 285 «В» Эквенского могильника (рис. 1, 2). На одной из плоскостей стабилизатора, выполненного из цельного куска клыка моржа, имеются выгравированное антропоморфное изображение «хозяина моря» с оскалом зубов (рис. 1, 2Б) и объемное изображение обнаженной фигурки человека (рис. 1, 2 А). Гравированное и скульптурное изображения расположены на одной плоскости, но в разных проекциях. Гравированный лик «хозяина моря» расположен в передней части стабилизатора, его взгляд направлен в сторону предпо-

лагаемой добычи. Фигурка, выполненная в форме мелкой пластики, расположена в задней части стабилизатора и лицевой частью обращена в противоположную лику «хозяина моря» сторону, т.е. обращена к бросающему гарпун. Скульптура обнаженной по пояс женщины с подчеркнута большими грудями символизирует культ богини-праматери. В канву скульптуры органично вплетено изображение фаллоса. Такое совмещение женского и мужского признаков свидетельствует о культе единого начала, создателя всего сущего. Подобное композиционное решение является единственным для всей серии «крылатых предметов» (их более сотни), когда помимо барельефа личины «хозяина моря» из цельного куска клыка моржа вырезана объемная скульптура.

Охота на кита у эскимосов сопровождалась рядом обрядов, танцев, легенд. Это не случайно: добыча крупного млекопитающего обеспечивала жителей поселка на длительный срок мясом и жиром, давала прибавочный продукт для меновой торговли. За поселками закреплялись определенные участки акватории для охоты.

В широко известной сказке науканских эскимосов «Кит, женщиной рожденный»¹¹ стержнем сюжета является ежегодный приход стада китов к пос. Нунак, где жила эта этническая группа. Кит, рожденный и выкормленный женщиной этого поселения, приводил к месту своего рождения стадо, которое служило основой пропитания и благосостояния всех жителей. Видимо, в сказке речь идет о ежегодной миграции какого-то стада китов неподалеку от Нунака. В этой сказке можно проследить специализацию в охоте на кита. Выявленный нами в 1989 г. могильник над Нунаком содержит почти исключительно инвентарь охотников на кита: массивные гарпунные древки с соответствующими головками требовались только в китобойном промысле. Любопытно и упоминание о вражде жителей поселков эскимосов Нунак и Мамрохпак (располагавшегося неподалеку, сразу за мысом Дежнева). Предметом вражды был главный объект промысла обоих поселков – стадо китов. Жители Мамрохпака убили кита, рожденного женщиной из Нунака. В отместку за этот акт жители Нунака устроили погром в Мамрохпаке и вывезли из жилищ все лежанки, что указывает на недостаток дерева в поселке и связанные с этим трудности их изготовления. Необходимо отметить, что впоследствии жители Мамрохпака поселились в Наукане и составили семейно-родственную производственную группу. Мы считаем этот миф только науканским. Попытка Д.А. Сергеева возвести сюжет к древнеберингоморскому периоду в культуре азиатских эскимосов представляется некорректной¹². Д.А. Сергеев не учитывал того обстоятельства, что науканские эскимосы, у которых бытовала сказка о ките, рожденном женщиной, пришли в район мыса Дежнева значительно позже того времени, когда прервалась древнеберингоморская традиция в искусстве азиатских эскимосов. Никаких археологических материалов древнеберингоморского периода в местах расселения науканских эскимосов до сих пор не найдено. Однако в древнеберингоморский и последующие периоды существовали амулеты в виде кита (рис. 2, 1).

В сказке «Спор наваги и кита» важно замечание наваги: «...когда люди добудут тебя (кита. – С.Г.), то мяса хватает целому селению. Но ведь тебя не добывают все селения. Кроме того, только имущие добывают тебя, неимущие же не добывают...»¹³. Как отмечалось, значение кита в рационе питания эскимосов было велико. С другой стороны, судя по сказке, записанной в 1940 г. со слов 20-летнего жителя с. Уэлькаль эскимоса Какля, добыча кита велась не всеми поселками. Нужно учитывать и то обстоятельство, что имущественная и социальная дифференциация среди эскимосов была значительной и не все жители обладали достаточными средствами для такой добычи (в охоте на кита необходимо было участие нескольких байдар). Г.А. Меновщиков отмечал, что к моменту встреч с русскими (XVIII–XIX вв.) азиатские эскимосы не имели четко выраженной и устойчивой социальной организации. Основной формой производственного объединения эскимосов в XIX в. была байдарная артель, включавшая в свой состав несколько родственных семейств. Команда байдары (беспалубная лодка, обтянутая шкурой лахтака или моржа) состояла из восьми человек. *Ан'ьялык*

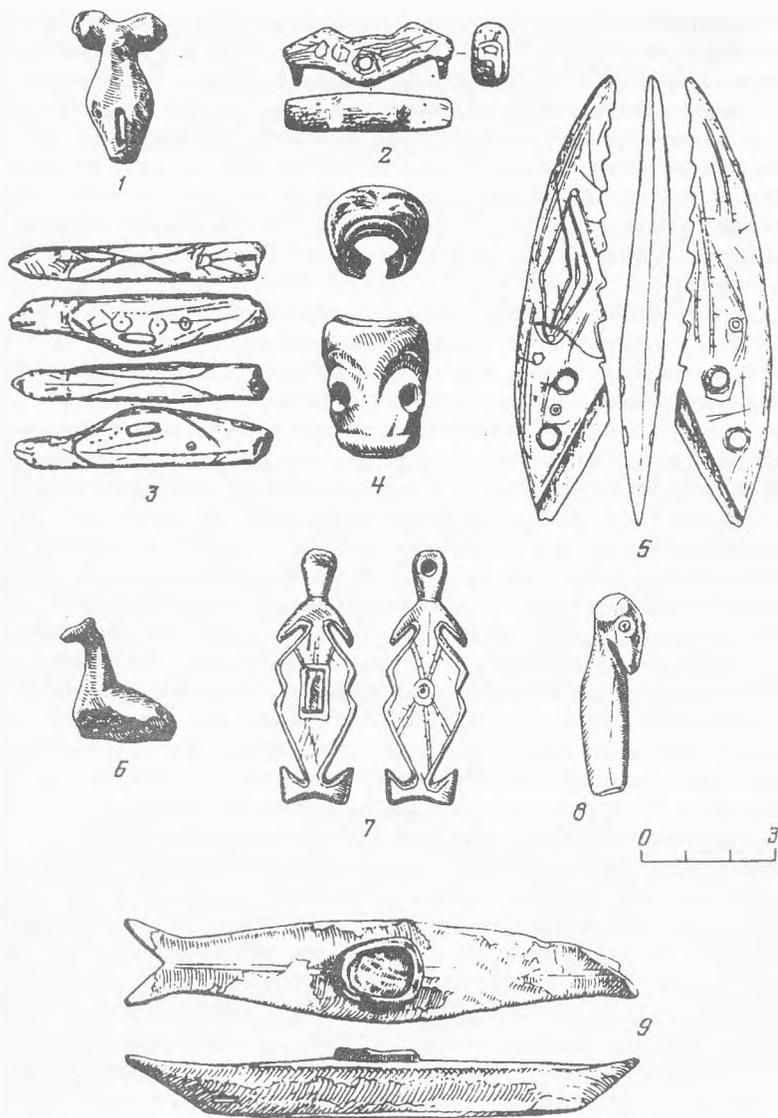

Рис. 2. 1 – амулет в форме кита, клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 2 – амулет с изображениями голов моржей, с магическими знаками, клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 3 – амулет в виде нерпы, с магическими знаками, клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 4 – навершие в виде головы моржа, клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 5 – наконечник багра с пиктограммой, клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 6 – амулет «уточка», клык моржа (поселение Канискак, Дежнево); 7 – антропоморфная фигурка, клык моржа с вставкой из дерева (поселение Нынлувак); 8 – навершие в виде птицы, зуб моржа (поселение Канискак, Дежнево); 9 – модель каяка, клык моржа (Эквенский могильник, погребение № 301)

(дословно – имеющий байдару) занимал в ней место рулевого и руководил охотой. Шестеро гребцов и гарпунщик выполняли его команды¹⁴. В отличие от кита навага была более доступным средством пропитания для всех жителей поселка, хотя добыча ее по эффективности намного уступала охоте на крупных морских млекопитающих. При одинаковых трудозатратах охота на кита, например, позволяла получить прибавочный продукт, что на некоторый срок освобождало семью от необходимости каждодневной заботы о пропитании и предоставляло возможность для занятий другого

рода деятельностью (расширение и совершенствование жилища, создание дополнительных средств производства, осуществление экономических связей с оленеводами и поселками морских зверобоев, изготовление предметов культа).

Сюжет рассказа об охоте на *лахтака* (крупный тюлень, вес которого нередко достигает 400 кг) позволяет выявить неизвестную деталь о способе транспортировки убитого животного («Алихпагмитцы» – науканская легенда)¹⁵. Загарпунив лахтака, охотник подтягивал его за гарпунный ремень и добивал молотком по голове, а затем *надрезал шею и надувал животное* (очевидно, надуть лахтака через надрез в шее, да еще сидя в каяке, можно только через специальную трубочку). После этого охотник затыкал отверстие на шее зверя. Раны затыкали гвоздевидными заколками из клыка моржа, сделав зашив на коже. Большое количество найденных нами затычек для ран разного размера свидетельствует о широком их использовании при подготовке добычи для транспортировки на берег. Закрывая рану животного, охотник стремился прекратить кровотечение и таким образом доставить добычу вместе со свежей кровью – важным элементом в рационе питания эскимосов. Затыкать раны животных приходилось и при их транспортировке по льду.

Часто эскимосы употребляли в пищу не только добытых на охоте животных, но и выброшенных морем на берег. В сказке «Глупый Кашкли» о поедании выброшенной морем нерпы говорится как об обычном деле¹⁶.

Для промысла морского зверя наряду с байдарками использовали небольшие кожаные лодки – каяки, сидя в которых охотник обвязывался вокруг пояса ремнем и с помощью специального полога, прикрепленного к обшивке лодки, делал ее непотопляемой. О плавании на каяке упоминается в сказках «Тутахалик» (пос. Чаплино)¹⁷, «Кит, рожденный женщиной» (пос. Наукан)¹⁸. В настоящее время каяки не используются азиатскими эскимосами, тогда как еще в XVIII в. европейцы отмечали их повсеместное распространение. Каяки использовали по меньшей мере с древнеберингоморского периода, о чем свидетельствуют ритуальные модели из клыка моржа, ставившиеся обычно над могилой (рис. 2, 9). Особо отметим уникальное стилизованное изображение женщины, плывущей стоя в лодке (рис. 2, 7).

В сказке «Букашка-путешественница» имеется упоминание о якорном камне и китовом черепе, лежащих рядом с землянкой старшины поселения¹⁹. Этот сюжет, невыразительный в контексте произведения, позволяет сделать определенные наблюдения, относящиеся к социальной структуре общества и планиграфии поселения. Важной задачей археологического исследования является выделение на поселении центрального жилища, в котором проживает глава поселка. В этом плане надежным репером может служить местоположение якорного камня и лежащего на поверхности черепа кита. Нужно учитывать и то, что это чаплинская сказка, и в настоящее время мы не знаем, был ли характерен зафиксированный в ней факт для сирениковских и науканских эскимосов. В случае бытования описанного обычая только в чаплинской этнической группе, мы сможем на основании указанного признака идентифицировать принадлежность ряда поселений к кругу чаплинских эскимосов.

Процесс перехода эскимосов из полуземлянок в яранги, заимствованные от чукчей, отражен в сказке «Женитьба сироты» (пос. Чаплино)²⁰. Согласно ей, вначале в ярангах поселились зажиточные жители поселения, а малоимущие (бабушка и внук) продолжали обитать в маленькой и грязной землянке. Можно составить представление и о размерах поселка: землянка, где жила бабушка и внук, и пять яранг, населенных пятью братьями и их семьями. Выявляется и семейно-родовой состав: одна семья – бабушка с внуком; вторая, большая семья – пять братьев с семьями. При этом подчеркивается, что отчужденность между семьями была значительной, во всяком случае братья поначалу никак не желали вступать в родство с мальчиком из своего же поселения. По сути, речь идет о патриархальных семьях, объединенных родственными связями, общим имуществом и составлявших единый хозяйственный коллектив. Интересен также факт сосуществования в одном поселении жилищ разной конструкции.

Любопытное замечание о конструкции эскимосской землянки проскальзывает и в сказке «Потерявшиеся братья» (пос. Сиреники)²¹: проход в землянке заперт китовой лопаткой. В результате археологических раскопок в проходах, ведущих в жилище, мы не раз находили крупные лопатки гренладского кита. Важной деталью для изучения планировки жилища является упоминание в различных сказках об использовании в землянке нескольких жирников: средний жирник, крайний жирник и т.д.²². Реконструкция планировки внутреннего пространства жилища на основании местоположения ламп-жирников свидетельствует о наличии в нем нескольких спальных отделений-пологов. Это обстоятельство позволяет говорить о высокой плотности заселения жилого пространства в спальном помещении.

Текст сказки «Укивакский ревнивец и его жена» (пос. Чаплино)²³ позволяет воссоздать устройство и планировку жилища эскимосов. Свод полуподземного жилища был снабжен отдушиной, стены затянуты пушниной и оленьими шкурами. Боковые стены у входа заложены мясом: с одной стороны – мясо морских зверей (китовое, моржовое, лахтаче), с другой – мясо тундровых зверей. Полог отделял спальное помещение. В пологе размещались две лежанки – одна против другой. В северной кладовке хранилось мясо дикого оленя, в южной – морских зверей. В этой сказке особый интерес представляет сюжет – отъезд хозяина дома на охоту. Он сел в каяк в жилом помещении, вонзил в стену жилища гарпун и стена стала медленно раскрываться. Вскоре в щель хлынула вода, и мужчина отплыл в море, после чего щель закрылась. Возможно, сюжет с хлынувшей в жилище морской водой свидетельствует о фактах трансгрессии моря или о сильных штормах, когда прибой достигал жилищ. Во всяком случае, сегодня мы наблюдаем разрушение морских берегов и древних эскимосских поселков на Чукотке.

Крупную добычу, кто бы ее ни добыл, относили к дому старшины и там делили (случай с убитым белым медведем в сказке «Сирота»)²⁴. Вероятно, при полных археологических раскопках поселков азиатских эскимосов дом главы общины может быть идентифицирован и по относительно большому количеству костей белого медведя.

В сказках науканских эскимосов под землей жил «хозяин огня». Сказка «Хозяин огня и мальчик»²⁵ повествует о подземном пожаре. Видимо, в ней нашел отражение случай возгорания торфяной прослойки в период засушливого лета. Подобные пожары (даже при нынешних технических средствах тушения) могут продолжаться не один год, чему мы были свидетелями в 1992–1993 гг. В сказке «хозяин огня» грозит сжечь землянку (что вполне реально при подземных пожарах). Тогда старуха положила на землянку камень, ее стены стали каменными, против них пожар был бессилен. Отметим также, что науканцы жили в надземных домах с каменными стенами и текст сказки является как бы восхвалением конструкции собственного жилища.

В сказке «Тутахалик» (пос. Чаплино)²⁶ имеется яркий сюжет о большой власти *умилыка* (силач, старшина) поселения над жителями поселка. Умилык отнимает красивую женщину у героя, и последний воспринимает это безропотно. Очевидно, умилык и в других случаях обладал правом первого выбора. Вероятно, старшина выдвигался из наиболее умелых и удачливых охотников и имел превосходство в личных единоборствах, устраиваемых эскимосами по праздникам. Г.А. Меновщиков отмечал, что по обычному праву умилыку подчинялись все жители поселения, но побежденный в единоборстве умилык становился рядовым жителем, также и нарушивший обычай умилык лишался этого звания и мог быть даже убит²⁷.

Практически весь технологический процесс изготовления керамической посуды представлен в сказке сирениковских эскимосов «Охотник и орел»²⁸:

1) мужчина по указанию жены приносит три куска глины из определенного места, а также мешок мелкого песка;

2) женщина в это время заготавливает с помощью мотыжки ветки шикши (кустарник, в изобилии встречающийся в прибрежной зоне) и стланика для обжига керамики;

3) мужчина готовит молот для размельчения глины: на продолговатом камне, выбранном в качестве ударной части инструмента, устраивается выемка; затем к камню крепится посредством завязки из китового уса моржовая кость, причем завязка укладывается по зарубке на камне²⁹. На этом участие мужчины в изготовлении керамики завершается, и все последующие операции совершает только женщина;

4) женщина толчет глину и смешивает ее с песком;

5) лепит кастрюлю (видимо, котел. – С.Г.);

6) вылепленные сосуды сушатся на солнце: «Когда высохли назавтра, белыми стали»;

7) сосуды обжигаются на костре из горящих веток шикши, стланика, ивняка;

8) качество обжига проверяется постукиванием палочкой: «...если закалится – звенеть будет»; выявляются брак и его причины: «Один жирник плохо сделала – песку мало было...»;

9) обмазка: «Когда закалила, без песка глину с кровью развела. Затем покрасила горшки».

При изучении процесса изготовления керамики азиатскими эскимосами мы можем проверить записанный рассказ. (Заметим, что сказка была записана после того, как эскимосы перестали изготавливать керамику.) Сомнительным выглядит девятый этап работы: обычно обмазка производится после сушки посуды, но до ее обжига, хотя возможна какая-то местная специфика. Нигде не упоминается об уплотнении стенок сосудов с помощью специальных выбивалок-штампов, хотя этот технологический прием прослеживается с древнеберингоморского периода. В процесс производства керамики мы включили и изготовление молота для размельчения глины, так как описание этого этапа работы органически вплетено в рассказ.

За состоянием жирника в жилище следила жена, очищавшая его время от времени от нагара (сказка «Морской охотник и белый медведь»)³⁰. В основе сюжета сказки «Пять девушек и Майирахпак» – спасение девушек от злой великанши (Майирахпак). Одна из девушек просит великаншу не убивать ее и в знак благодарности обещает зажигать ее жирники, видимо, подразумевая под этим тяжелую и грязную работу³¹.

В каждом эскимосском жилище имелся жертвенный сосуд – *мити*. Жертвенные сосуды в форме чаши или ковши с ручкой часто использовались для подношения «хозяину моря» кусков мяса и крови добытых морских животных. Найденный при раскопках в Дежнево жертвенный сосуд из клыка моржа представляет собой стилизацию под кита³².

В качестве покровителей охотников в сказках упоминаются морской прибор, белый медведь («Мотылек и Тынгырын», пос. Чаплино)³³. Изображение морского прибора можно увидеть на многих изделиях из клыка моржа, украшенных резьбой, а изображение морды белого медведя часто присутствует на головке древка гарпуна (рис. 1, 1А).

Снеговывивалка, мясная вилка, дощечка для добывания огня, лампа-жирник считались оберегами жилища от злых духов («Волшебные помощники»)³⁴. В 1990 г. при раскопках в Канискаке (Дежнево) нами была найдена снеговывивалка³⁵. Она снабжена выразительным ликом с инкрустированными глазами и зубами (зуб моржа). Снеговывивалка сделана из цельного куска дерева и помимо очищения одежды от снега предназначалась для отпугивания злых духов. Суровый лик хозяина дома располагается у рукоятки. При стряхивании снега и пыли с одежды перед входом в жилище люди одновременно очищались и от злых духов. Типологически этот лик очень близок изображению «Хозяина Вселенной» из Эквенского могильника³⁶. В обоих случаях в качестве материала использовано дерево, зубы выполнены из клыка моржа, аналогичным выглядит оскал и в одной манере подчеркнуты эскимойдные черты – круглая форма лица и выступающие вперед скулы. По материалам фольклора, «Хозяин Вселенной» жил на небе, а не в доме, где хранилась маска, и уж никак не под землей (в могиле, куда была положена маска). Нам представляется, что в Эквенском могильнике найден лик «хозяина дома», отправившегося с покойником в другой мир, чтобы

оберегать его от злых духов. Фигурки домашних богов-охранителей имели и более реалистичный вид. Интересно расположение магических знаков на спине фигурки, связанных с анатомическим строением тела человека.

Кратко остановимся на мифе о вороне в палеоазиатском и эскимосском фольклоре в свете археологических находок. Его генезис и место в общей системе идеологических представлений неоднократно рассматривались различными исследователями³⁷. В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Е.М. Мелетинский связывают происхождение мифов и сказок о вороне с палеоазиатскими народами. Е.М. Мелетинский не исключает, что часть мифов о вороне у эскимосов восходит к каким-то общим предкам, вошедшим в качестве компонента в различные этнические образования на северо-востоке Азии и северо-западе Америки³⁸. Г.А. Меновщиков относит появление мифов о вороне у азиатских эскимосов к глубокой древности³⁹. Однако имеющиеся археологические материалы не дают оснований говорить о появлении мифа о вороне у азиатских эскимосов в сколько-нибудь отдаленное время. Мы имеем значительное количество амулетов в виде водоплавающих птиц. Морфология изображений фиксирует образ птиц отряда утиных (рис. 2, б). Все птицы зафиксированы в статичном положении, сидящими на воде. В задней части амулетов проделаны отверстия для шнура (амулеты носились на шее). Наличие подобных амулетов и отсутствие изображений ворона, равно как и широкое использование зооморфных изобразительных мотивов в гравировке и в формах мелкой пластики, заставляют усомниться в существовании у азиатских эскимосов культа ворона по крайней мере до XVII в. Возможно и другое объяснение отсутствия изображений ворона в вещевом материале эскимосских могильников и поселений – табуированием изображений ворона. Действительно, у некоторых народов Севера был распространен запрет на изображение главных духов и их помощников⁴⁰. В рассматриваемом случае такое объяснение представляется неубедительным, так как у эскимосов Америки и о-вов Диомиды в Беринговом проливе в XIX и XX вв. имелись изображения ворона. Это крупные скульптуры из дерева и перьев⁴¹. Нет оснований полагать, что такие изображения не сохранились: дерево и перья прекрасно сохраняются в мерзлом грунте. Единственное скульптурное изображение, напоминающее хотя бы отдаленно облик ворона, найдено в Дежнево (рис. 2, 8). Единичный предмет на фоне сотен находок «уточек» не дает, на наш взгляд, весомых оснований для фиксации культа ворона у носителей древнеберингоморской, оквикской и бирнирской культур. Археологические материалы позволяют говорить о позднем проникновении культа ворона в верования азиатских эскимосов. Черты поздних инноваций в мифах азиатских эскимосов о вороне усматривает и Е.М. Мелетинский⁴².

Мировоззрение и художественная фантазия эскимосов были тесно связаны с животным миром. Звери как главные источники питания и материала для изготовления орудий труда, жилищ и одежды наделялись тотемными и анималистическими свойствами. Не только на сакральных предметах, но и на орудиях охоты и собирательства, а также на бытовых предметах часто присутствуют стилизованные изображения зверей: моржа, нерпы, кита, белого медведя, реже – песца и оленя (рис. 2, 1–4). На некоторых фигурках зверей нанесены прочерчиванием по кости знаки из кружков и линий (рис. 2, 2, 3). Иногда знаки наносились и на орудия охоты (рис. 2, 5). «Зверь, являвшийся объектом охоты, не был врагом человека. Человек не убивал зверя, а добывал, и поэтому наделял его духовными, человеческими качествами, которыми обладал сам», – пишет Г.А. Меновщиков⁴³. В «Примечании» к рассказу «Охотник и белый медведь» отмечается, что голову убитого медведя отрезали и бросали в море в качестве жертвы «хозяину моря»: голова медведя должна превратиться в зверя, которого можно добыть⁴⁴. Разумеется, использовать прямые аналогии из фольклора для толкования изображений зверей на археологических находках необходимо с большой осторожностью, поскольку произведения устного народного творчества со временем претерпевают существенные изменения. Другим ограничивающим фактором для подобной интерпретации является

слабая степень изученности этногенеза азиатских эскимосов. Забвение этих положений может привести к заблуждениям. Пытаясь увидеть в древнеберингоморских скульптурных изображениях цельный сюжет из мифологии, Д.А. Сергеев трактует многофигурную композицию на крюке из моржового клыка как изображение «хозяйки моря» (в одной плоскости) и как изображение моржихи с моржом на спине (в другой плоскости)⁴⁵. На наш взгляд, на крюке вырезано изображение женского берега (с характерными половыми признаками), морж (на конце) и над моржом – нерпа, т.е. те животные, для перетаскивания и подвешивания туш которых использовали этот крюк.

В «Сказке о летающем шамане»⁴⁶ содержится важное упоминание об о-ве Иттыгран. Жена одного из ее героев посылает мужа за мясом в Сиклук: «Сходил бы ты в Сиклук за мясом! Совсем мы изголодались»⁴⁷. Сиклук в переводе с эскимосского означает «мясная яма», «мясной склад»⁴⁸. Видимо, этот пункт имел не культовое предназначение, как полагал ряд исследователей⁴⁹, а хозяйственное. Здесь разделяли китов, добытых в Сенявинских проливах, закладывали их в многочисленные мясные ямы, часть из которых в отличном состоянии сохранилась до настоящего времени (1993 г.). Прибывавшие на байдарках охотники из поселений на материке имели здесь индивидуальные сушила и ямы, строили летние жилища. При необходимости они отправлялись на остров за мясом. Стратегия охоты и хранения была доведена до совершенства. Интересно, что эта сказка была записана Г.А. Меновщиковым в 1971 г. со слов 65-летнего эскимоса Ыкалука из селения Нунымо⁵⁰. Он был переселен сюда вместе с частью населения Наукана в 1958 г. Несмотря на довольно значительное расстояние между пос. Наукан и о-вом Иттыгран, жители Наукана, как видно, знали о месте, где хранились мясные запасы жителями Чаплино (в сказке речь идет о чаплинских эскимосах). Ф. Литке, будущий адмирал и действительный член Русского географического общества, посетивший о-в Иттыгран в 1828 г. с целью геодезической съемки, подробно описал остров и не отметил «Китовой Аллеи», упомянув при этом о культовом месте в другой части острова. По описанию Ф. Литке, на участке берега, известного под названием Сиклук, было несколько селений⁵¹. Сами по себе мясные ямы, по периметру которых вкопаны черепа и установлены вертикально челюсти китов, не уникальны. Более протяженные комплексы сооружений из китовых челюстей и черепов известны на Мечигменской косе у одноименного залива, в Нунлигране. Сооружения на о-ве Иттыгран представляют собой обычный для охотников на кита комплекс хозяйственных сооружений. Другое дело, что отправленные религиозных культов у народов, основным занятием которых была добыча зверя, неразрывно связано с местами производственной деятельности.

Сопоставление произведений фольклора с материалами археологических изысканий позволяет осветить ранее неизвестные стороны материальной и духовной культуры азиатских эскимосов. Выявление соответствий и различий в фольклорных и археологических источниках дает возможность совместить различные по форме передачи поля информации: найти объяснение фактам, полученным методами археологической науки и наметить различные хронологические пласты в мифах, сказках, легендах. Такой анализ предоставляет большие возможности для более точной характеристики источников и определения времени появления инноваций в культуре.

Примечания

¹ Collins H.B. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska // Smithsonian Miscellaneous Collections. V. 96. № 1. Wash., 1937; Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1946; Larsen H., Rainey F. Ipiutak and the arctic whale hunting culture // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. T. 42. N.Y., 1948; Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; его же. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979; Арутюнов С.А., Левин М.Г., Сергеев Д.А. Древние могильники Чукотки // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. Т. XXXXVIII. 1963; Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969; их же. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975; Bockstoe J.R. The Archaeology of Cape

Nome. Philadelphia, 1979; *Giddings J.L.* The archaeology of Bering Strait // *Current Anthropology*. 1960. Т. 1. № 2. *Giddings J.L., Anderson D. Douglas.* Beach Ridge archaeology of Cape Krusenstern. Eskimo and pre-eskimo settlements around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, 1986; *Bandi H.G.* Eskimo prehistory. College: University of Alaska Press, 1969; *Dumond D.E.* The Eskimos and Aleuts. L., 1977. 1987; *Gerlach C., Mason O.K.* Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic // *Arctic Anthropology*. 1992. V. 29. № 1; *McGhee R.* Canadian Arctic Prehistory. Toronto; N.Y., 1978; *Fitzhugh W., Kaplan S., Collins H., Ager T., Ray D., Frederick S.* Inua: spirit world of the bering sea eskimo. Wash., 1982.

² *Арутюнов С.А., Левин М.Г., Сергеев Д.А.* Указ. раб.: *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Древние культуры...; их же. Проблемы этнической истории...; *Диков Н.Н.* Археологические памятники...

³ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории...

⁴ *Giddings J.L., Anderson D. Douglas.* Op. cit.; *Dumond D.E.* Op. cit.; *Файнберг Л.А.* Охотники Американского Севера. М., 1991.

⁵ *Андерсон Д.Д.* Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов (предварительная разработка) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981; *Берч Э.С. мл.* Социодемографические корреляты структуры жилища в трех берингийских популяциях: опыт исследования // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.

⁶ *Bandi H.G.* Op. cit.; *Bockstoece J.R.* A Prehistoric Population Change in the Bering Strait Region // *Polar Record*. 1973. V. 16; *Dumond D.E.* Op. cit.; *McGhee R.* Op. cit.; *Fitzhugh W., Kaplan S., Collins H., Ager T., Ray D., Frederick S.* Op. cit.; *Giddings J.L., Anderson D. Douglas.* Op. cit.; *Gerlach C., Mason O.K.* Op. cit.; *Mason O.K., Gerlach C.* Chukchi hot spots, paleo-polynyas, and caribou crashes: climatic and ecological dimensions of North Alaska prehistory // *Arctic Anthropology*. 1995. V. 32. № 1.

⁷ *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978.

⁸ *Гусев С.В.* Раскопки эскимосского поселения Канискак (Дежнево) на азиатском берегу Берингова пролива (1990–1992 гг.) // *Археологические вести*. 1995. № 4.

⁹ Эскимосские сказки и легенды / Запись, пер., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова. Магадан, 1969; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекы, коряки и ительмены) / Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова. М., 1974 («Серия сказки и мифы народов Востока»).

¹⁰ Эскимосские сказки и легенды... С. 116–119.

¹¹ Там же. С. 93–96.

¹² *Сергеев Д.А.* Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре (первые века нашей эры) // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 107–110.

¹³ Эскимосские сказки и легенды... С. 42.

¹⁴ *Меновщиков Г.А.* Эскимосы. Магадан, 1959. С. 22–23; Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961.

¹⁵ Эскимосские сказки и легенды... С. 169–170.

¹⁶ Там же. С. 56–57.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 93–96.

¹⁹ Там же. С. 50–51.

²⁰ Там же. С. 62–65.

²¹ Там же. С. 97–98.

²² Эскимосские сказки и легенды...; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки...

²³ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 91–96.

²⁴ Эскимосские сказки и легенды... С. 129–131.

²⁵ Там же. С. 119–121.

²⁶ Там же. С. 57.

²⁷ *Меновщиков Г.А.* Эскимосы... С. 25.

²⁸ Эскимосские сказки и легенды... С. 72.

²⁹ Аналогичный сюжет был записан Г.А. Меновщиковым ранее в пос. Сиреники, но сказка называлась «Женщина с сыном». *Меновщиков Г.А.* Язык сирениковских эскимосов. М.; Л., 1964. С. 140–144. Текст № 8.

³⁰ Там же. С. 172–174.

³¹ Там же. С. 53–56.

³² *Гусев С.В.* Указ. раб. Рис. 2.

³³ Там же. С. 139–141.

³⁴ Там же. С. 141–143.

³⁵ *Гусев С.В.* Указ. раб. Рис. 2.

³⁶ *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории... Рис. 9.

³⁷ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 18–24.

³⁸ Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979 (Серия: «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

³⁹ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 18–24.

⁴⁰ Соколова З.П. Общее и особенное в религии народов Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Традиционные ритуалы и верования. М., 1995. С. 20.

⁴¹ Fitzhugh W., Kaplan S., Collins H., Ager T., Ray D., Frederick S. Op. cit.

⁴² Мелетинский Е.М. Указ. раб.

⁴³ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 43–44.

⁴⁴ Там же. С. 602.

⁴⁵ Сергеев Д.А. Указ. раб. С. 107–108.

⁴⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 67–70.

⁴⁷ Там же. С. 67.

⁴⁸ Там же. С. 602.

⁴⁹ Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

⁵⁰ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 600–601.

⁵¹ Литке Ф. Путешествие вокруг света. Ч. II. СПб., 1835. С. 149.

S.V. Gus'ev. Archaeology and Folk of Asian Eskimo

The author uses the folk materials for more detailed interpretation of archaeological data, excavated in Deznevo (Kaniskake) site of the Asian Eskimo (more 2500 things). Numerous Eskimo tales and legends reflect the way of living, subsistence and perception of environment Eskimo people. The fragments which are devoted to whale hunting concern with numerous details of harpoons and other tools. Indeed the description of application various tools and vessels helps to understand the using of derived pottery and bone tools. Notes about the house features and planning helps to identify archaeologically discovered subterranean dwellings. Some tables contents the description of ceramic industry process.

The folk materials are specific but useful sources for interpretation of archaeological data.

The article contents a lot of illustrations of various bone and wooden tools and figures.

© 1997 г., ЭО, № 4

К.В. Цеханская

ИКОНА В РУССКОМ ДОМЕ

В наше беспокойное время, когда наперекор многому Россия возрождается духовно, необходимо осознание самого ценного в православной традиции. Такое осознание дает возможность хотя бы частично восстановить старое и создать плодотворную атмосферу для становления прочного основания религиозного самосознания русского народа.

О русском благочестии писали многие отечественные и иностранные писатели и путешественники. «Все русские люди непременно попадут во святые, они превосходят своей набожностью самих пустынножителей», – полушутливо писал сирийский священнослужитель в XVII в.¹ Глубокая религиозность русских и в последующие века сохранила особый отпечаток, отличавший ее не только от Запада, но и от Востока. Содержание русской веры своеобразно и национально, поэтому весьма важен вопрос о взаимоотношении быта с церковно-обрядовыми установлениями в народной жизни. В этой связи определенный интерес представляет тема бытования икон. Икона – неотъемлемая часть русской народной традиции. Православному христианину образ Божий сопутствовал от рождения до смерти и имел большое значение в духовном становлении личности.

Бытование икон в доме специально не затрагивалось в научной литературе. Отдельные замечания применительно к изучению более широких тем можно встретить в